

ной (с. 166), мать — дядь (с. 167), роз — ЦОС (с. 170), Лябка — щипка, Лялька — килька (с. 172) невольно порождает сомнение в полезности подобной презентации функциональной нагрузки фонем.

Монография С. Н. Дмитренко, воплощающая громадный труд автора, интересна своим материалом и методами исследования. Хотя работа не свободна от серьезных недочетов как в области теории, так и в описании материала, внимательный читатель из знакомства с нею сможет извлечь для себя определенную пользу.

Буланян Л. Л.

Монгольский лингвистический сборник/Сост. Тодаева Б. Х. М.: Наука, 1985. 156 с.

Сборник представляет первый опыт совместной советско-монгольской публикации в области языковедения. Он включает статьи, посвященные различным проблемам фонетики, истории, морфологии, лексики монгольских и некоторых тюркских языков.

Разнообразные по тематике статьи сборника позволяют читателю ознакомиться с общим уровнем и актуальной проблематикой монгольского языковедения.

В центре внимания многих авторов стоят проблемы истории монгольских языков. Особенно это касается реконструкции общемонгольского состояния и установления характера языковых контактов.

Не менее важными являются проблемы современного состояния монгольских языков. Две статьи сборника, удачно дополняющие друг друга, посвящены вопросам фонетики. Акад. АН МНР Ш. Лувсанвадан рассматривает фонемную структуру монгольского языка, отмечая случаи взаимовлияния фонем, их варианты, а также закономерности сочетания различных фонем («Фонемная структура современного монгольского языка»). Фонологический анализ приводит автора к важной мысли о том, что «вариант одной фонемы в определенной позиции может произноситься одинаково с вариантом другой, но он не превращается в другую фонему. Это доказывает, что позиция фонем играет большую роль, чем звуковые различия. Варианты фонемы *g* — [g], [x] — по своему звучанию противопоставляются друг другу как звонкий смычный — глухой щелевой» (с. 66). В статье И. Д. Бураева «Пози-

1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
2. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
3. Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976.
4. Павлов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
5. Пирогова Н. К. Вокализм современного русского литературного языка (синтагматика и парадигматика). М., 1980.
6. Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 50.

ционное употребление согласных в бурятском языке и особенности их сочетаемости между собой» обобщаются факты, полученные в результате машинной обработки словарного состава двух наиболее полных словарей бурятского языка. Автор делает важный вывод о том, что позиционная закрепленность согласных в монгольских языках является наиболее существенным и устойчивым признаком их фонетического строя (с. 20).

В ряде статей обсуждаются вопросы монгольского словообразования. Статья Л. Болда «О некоторых деривационных суффиксах в уйгуро-уряньхайском языке» представляет особый интерес в первую очередь для тюркологов, поскольку работ по уйгуро-уряньхайскому языку практически нет (за исключением кандидатской диссертации того же автора «Особенности уйгуро-уряньхайского языка». Улан-Батор, 1978). В ней отмечается ряд именных и глагольных формантов, встречающихся в монгольских, в уйгуро-уряньхайском и некоторых других тюркских языках Сибири, приводятся данные по числительным, местоимениям, наречиям. В статье Ж. Сэржээ «Морфологическая структура монгольских личных имен» сделана попытка рассмотреть антропонимы в историко-морфологическом плане (с. 115). Примечательно, что имена тибетского и санскритского происхождения не оформляются монгольскими суффиксами, в то время как собственно монгольские личные имена могут быть образованы присоединением различных суффиксов к одной и той же основе.

Г. Ц. Пюрбеев в статье «Об одном типе синонимов в современной монгольской

терминологии» ставит вопрос об ограничении однокоренных синонимов от морфологических вариантов слов. Критерием их различения могут служить частотность употребления, стилистическая предпочтительность в различных контекстах и специализация значений. Исследование однокоренных синонимов актуально не только для терминологии, но и для всех других слоев лексики монгольских языков, где синонимичными отношениями могут охватываться два и более суффиксов. Следует подчеркнуть, что проблема однокоренных синонимов имеет непосредственное отношение к семантической эволюции суффиксов и их многозначности, возникающей на основе взаимодействия корневой и суффиксальной морфем.

В статье З. В. Шверниной «Глагольный суффикс *-yгаа* в современном монгольском языке» рассматривается суф. *-yгаа*, неоднозначно трактуемый разными исследователями. Автор отмечает лексико-семантическую избирательность этого форманта и наличие у него семантического признака мн. числа исполнителей действия, характеризизуя его грамматическое значение (направленность действия на субъект) как залоговое. Таким образом, суф. *-yгаа* определяется как показатель совокупно-множественного залога, объединяющий в себе два значения — совокупности и множественности (с. 144).

Еще один спорный вопрос современной морфологии затронут в статье Г. Миждидоржа «Словообразовательные суффиксы в монгольском и маньчжурском языках». При сравнении суффиксов, различающихся по фонемному составу, автор приводит маньчжурские и монгольские показатели мн. числа, тем самым включая их в разряд словообразовательных формантов. И действительно, если в вопросах классификации суффиксальных морфем еще не все ясно и возможны разногласия по поводу отнесения показателей мн. числа к словоизменительным или к словообразующим формантам, то причисление их к словообразовательным суффиксам вряд ли оправдано. Вместе с тем необходимо учитывать и способность суффиксов монгольских языков «переходить» из одного разряда в другой. Существует немало примеров полифункциональности одних и тех же формантов. Среди примеров, приведенных автором, лишь один, да и то частично, может подтверждать выдвинутую точку зрения: маньч. *matari* «деды, предки» от *meta* «дед». Форма мн. числа, очевидно, имеет более обобщенное значение по сравнению с формой ед. числа. Однако и здесь скорее всего наблюдается чисто лексическое явление — семантический сдвиг, а сам суффикс не приобретает словооб-

разовательного значения. Словообразовательное же значение может возникать у показателей мн. числа лишь эпизодически, поэтому их следовало бы отнести к словообразующим суффиксам.

Вопросы сопоставительного изучения монгольских языков с другими языками рассматриваются еще в двух работах. Г. Жамбалсүрэн в статье «Японская деепричастная форма на *-тэ* и ее эквиваленты в монгольском языке» выявляет соответствие японских форм на *-тэ* трем монгольским деепричастным формам — разделительной, соединительной и слитной, а также анализирует ее употребление с предикативными прилагательными, в сочетании с дополнительными служебными элементами, отрицаниями, вопросительными словами, послелогами. Все эти случаи сопоставляются со способами передачи аналогичного содержания в монгольском языке. В статье В. И. Рассадина «Об одной монгольско-тюркской корреспонденции в морфологии» анализируются такие специфические категории слов, как «превербы», т. е. слова, выполняющие функции наречий или своеобразных глагольных приставок. Трактовка их в монгольских языках представляется дискуссионной, а в тюркских до сих пор еще не стала объектом исследования. Примечателен ареал распространения родных наречных образований, что подчеркивается и самим автором. «Превербы» или префиксоиды встречаются в тюркских языках Сибири, «бытуя в наиболее развитом виде в северных монгольских языках» (с. 97) т. е. в основном в зоне контакта монгольских и тюркских народностей, что приводило к взаимному проникновению этих форм из одних языков в другие.

К работам, отражающим процессы взаимовлияния монгольских и русского языков, относятся статьи Р. Гурбазара «Влияние литературного перевода на развитие лексики современного монгольского языка» и А. А. Дарбеевой «О русско-монгольских языковых контактах». В этих работах рассматриваются разные аспекты одной и той же проблемы — взаимовлияние русского и монгольского языков.

Первая из них, как это видно из самого названия, посвящена в основном проблемам перевода с русского на монгольский. Р. Гурбазар указывает на такие явления, как проникновение в монгольский язык через русский интернационализм, возникновение калькированных слов и словосочетаний, разработка научной и технической терминологии. Отмечаются также фонетические и морфологические изменения, претерпеваемые заимствованными словами. В статье А. А. Дарбеевой исследуется влияние фонетических норм

родного языка монголоязычных билингвов на их русскую речь. Выделяются два типа двуязычия: контактное, возникающее в условиях постоянного общения с носителями русского языка (у бурят и калмыков), и неконтактное, являющееся результатом специального обучения (у монголов). Материал, использованный автором, хорошо систематизирован как с собственно лингвистической точки зрения, так и в социологическом плане: учитывается возраст и образовательный уровень билингвов.

По своему содержанию к этим статьям примыкает и работа Ц. Б. Цыдендамбаева «О влиянии монгольского письменного языка на язык бурятского фольклора». На примере текста хвалебной оды автор показывает проникновение некоторых монгольских слов в бурятский язык и раскрывает их стилистические функции.

Существенные уточнения внесены в истолкование трех монгольских слов в статье Г. Д. Санжеева «Монгольские термины *удха*, *боле* и *булу*». В этой статье привлекает как собственно лингвистический анализ, так и глубокое проникновение в историю монгольских народов, в их быт и мировоззрение, приведших к формированию таких сложных по семантическому содержанию лексем.

В статье Л. Д. Шагдарова «Речевые приемы выразительности бурятских и монгольских пословиц» как древнего жанра устного народного творчества выявляются языковые средства, которые придают пословицам и поговоркам афористичность, образность, яркость и точность.

Серия статей посвящена вопросам истории монгольских языков, что свидетельствует о большом интересе к данному аспекту, в первую очередь со стороны монгольских лингвистов. В этих работах затрагиваются как частные, так и более общие языковые проблемы. В статье чл.-корр. АН МНР А. Лувсандэндэва «К расшивке одного табгаческого слова *qit'aičin* «убийца, палач», которое возводится к монгольской глагольной основе *kidu* «убивать, вырезать». В. Сумьябагор в статье «О двух монгольских посланиях от 1259 г. к корейскому государю» полностью приводит тексты и переводы этих писем, снабдив их необходимыми комментариями. В статье «Некоторые особенности перевода грамматики Панини на монгольский язык» О. Сухбаатар касается проблем перевода санскритского оригинала на тибетский и монгольский языки. Автор приводит также и русский перевод санскритского текста. Ц. Баярсурэн в статье «Об одном алфавите ясного письма» рассматривает традиционные принципы, положенные в основу новой

письменности, созданной Дзая-пандитой в середине XVII в. В сборнике приводятся восемь факсимильных отписков одной из рукописных сутр. Описанию малоизученного вида письменности посвящена статья Ц. Шагдарсурэна «Об одном памятнике горизонтального квадратного письма», в которой дается транскрипция и транслитерация текста, отражающего некоторые черты разговорного халхаского языка XVII—XVIII вв.

Язык письменных памятников исследует также И. А. Грабарь в работе «О дательном-местном падеже в „Сокровенном сказании монголов“». Анализ частотности употребления суффикса дательного-местного падежа в этом и в некоторых других памятниках монгольской письменности позволил автору нарисовать широкую картину функционирования данного форманта в различных фонетических вариантах. Исследование М. Н. Орловской «Форма на *-ru* в старописьменном монгольском языке» проясняет происхождение так называемого «приготовительного», или «цитатного», деенричастия, встречающегося исключительно в письменных памятниках. Заслуживает внимания трактовка суф. *-ru* как сложного, в котором элемент *-r-* (с временным значением) является тюркским заимствованием, усвоенным монгольским языком одновременно с уйгурской письменностью.

Не оставлены без внимания и такие важные области языка, как диалекты и лексика. Статья Ж. Цолоо «К вопросу классификации диалектов в МНР» затрагивает ряд теоретических и практических вопросов, связанных с изучением особенностей диалектов, говоров и подговоров, бытующих на территории МНР. Чл.-корр. АН МНР А. Лувсандэндэв в работе «Санскритизмы в диалектах монгольского языка» проследил пути проникновения санскритской лексики в монгольский письменный язык и в территориальные диалекты и дал классификацию этих заимствований. Ч. Догсурэн в статье «Оронимические термины в современном монгольском языке» ставит своей задачей ввести в научный обиход многочисленные термины, обозначающие виды гор по их очертаниям, названия частей гор и их склонов по сторонам света, по рельефу.

Рецензируемый труд, отражающий актуальную проблематику основных направлений монгольского языкознания, подготовлен учеными Института востоковедения АН СССР и Института языка и литературы АН МНР. Публикация этого сборника, несомненно, будет способствовать развитию плодотворного сотрудничества лингвистов двух стран.

Чарев С. Л.